

УДК 390

ОБРАЗ НАРТА УРУЗМАГА В ОСЕТИНСКОЙ «НАРТИАДЕ»

Л. А. Чибиров, А. Л. Чибиров

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания

Нарт Урузмаг является одним из самых колоритных и ярких образов в осетинской Нартиаде. Это предводитель второго (более прославленного) поколения нартов, выдающийся герой. В его образе бытовые элементы сочетаются с мифологическими (параллель с Зевсом). Супружество Урузмага и его сестры Сатаны – из ряда известных мотивов о первых божествах и человеческих парах, свидетельствует об отражении в нартовских сказаниях древней эпохи группового брака, пережитков матрилокального мировоззрения. На примере Урузмага в статье прослеживается эволюция отношений к старшим в скифо-алано-осетинском обществе от насильственного убийства до преклонения. Урузмаг проходит в эпосе и в женском облике, что является прямой параллелью с андрогинностью пра-людей.

Nart Uruzmag represents one of the most colorful and vivid characters in the Ossetian "Nartiade", the leader of the second (more famous) generation of narts, an outstanding character. His manner of household is combined with mythological elements (parallel with Zeus). Marriage of Uruzmag and his sister Satana is one of the most known motifs of deities and the first human pairs, shows the influence of the ancient era of group marriage, remnants of matrilocality, on the nart legends. On the example of Uruzmag the evolution of attitude towards the elder in the Scythian-Alan-Ossetian society from violent murder to honorary worship. Uruzmag also appears in the epos in the female guise that is a direct parallel to androgyny of primogenitors.

Ключевые слова: Нарты; Урузмаг; Сатана; инцест; супружество; андрогинность; энареи; мифологическое; божественное; скифы; убийство стариков; аланы; осетины; уважение к старшим.

Keywords: Narts; Uruzmag; Satan; incest; androgyny; enaro; matrimony; mythological; divine; scythians; kill the elderly; alans; ossetians; respect for elders.

Мифологическое начало и ареальные связи. Один из важнейших циклов осетинских нартовских сказаний посвящен ключевым фигурам эпоса – Урузмагу и Сатане. Сравнительное исследование этих образов уводит нас в древнеиранский мир и позволяет провести параллели с другими мифологическими традициями.

Урузмаг – популярнейший герой осетинской «Нартиады». Без образа Урузмага трудно судить о завершенности и целостности всего эпоса. Вопреки мнению некоторых фольклористов [1], этимология имени Урузмаг подчеркивает его осетинское происхождение и его иранские корни (от иранского *varaza* «кабан»). Осетинскому Урузмагу в разной степени тождественны кабардинский и черкесский Озырмег, Озермаг, Озермеш, Озермас, Уразмес, балкарский и карачаевский Урызбек, Озурмег, ингушский Урузман, или Орзми. Однако ни в одной из версий он не представлен в той величественной ключевой роли, которая отведена ему в Нартовском эпосе осетин. Поскольку в различных национальных версиях образ Урузмага не играет ведущей роли, некоторые ученые склонны исключить цикл Урузмага и Сатаны из числа архаических [2, с. 79–80]. Между тем эти образы в основе своей пересекаются с образами богов и героев мифических циклов Северо-Западной Европы, уходят корнями в далекое индоевропейское прошлое, в арийский мир.

Эпическим двойником родоначальника нартов Уархага является нарт Урузмаг. Имя Уархаг означает не что иное, как старое осетинское слово, обозначающее волка [3, с. 15]. Это позволяет причислить Уархага к категории племенных имен «волчьего» происхождения, включить в круг распространенных тотемических мифов. Но связь героев эпоса с волком-собакой этим не ограничивается. В «Нартиаде» довольно много примеров, указывающих на важное для нартов значение образа волка-собаки. К примеру, от матери Урузмага Дзерассы произошел родоначальник собак – первый пес Силам. Довольно часто перевоплощается в собаку и сам Урузмаг. Сатана часто называет его «старым волком». Место захоронения сына Урузмага в кузне Сафа находит собака Сырдона. Сравнительный анализ

уводит нас в индоарийский мир. Согласно Ригведе [4, III, с. 6] тайное место, где укрывали похищенных коров, обнаружила по желанию Индры собака Сарома [5, с. 112].

Если первое поколение нартов связано с именем Уархага, то второе, более прославленное, представлено Урузмагом.

По многим признакам Урузмаг и Сатана – первая человеческая пара. Сатана, согласно осетинскому эпосу, первой сварила пиво, точно так же как в Калевале Капо, дочь Калевы, родоначальника финских героев, является первой женщиной, сварившей этот напиток. О родственной связи Сатаны с подводным царством Донбеттра в эпосе упоминается не раз. Не раз Сатана посещает этот дом, отправляет и своего ребенка на воспитание в дом бабушки. Наряду с *доны чызджыта* (букв. «девами вод») Сатана практически продолжает род скифских нимф «дочерей Борисфена и других рек» [6, с. 65].

Сравнительные параллели уводят исследователей в скифский мир. Геракл – сын бога Зевса, а Урузмаг, по Ж. Дюмезилю, «воинственный герой, похищающий и охраняющий стада, заслуживает костюма Геракла». По его же мнению, Урузмаг – глава рода, «вождь нартов не менее заслуживает и имени Зевса, особенно того Зевса, которого, опять-таки по словам Геродота [7, IV, с. 59], скифы называли отцом-покровителем» [6, с. 64–65].

Ж. Дюмезиль подчеркивает, что в образах Урузмага и Сатаны бытовые элементы преобладают над мифологическими [8, с. 59]. Не оспаривая мнение уважаемого ученого, тем не менее, отметим, что при более глубоком анализе сказаний дает о себе знать мифологическое, божественное начало этих образов. Приведем несколько иллюстраций к сказанному.

Согласно легенде первым человеком на скифской земле был Таргитае. Родителями его были бог Зевс и дочь реки Борисфены (союз Неба и Воды). Родоначальник нартов Урузмаг был божественного происхождения лишь по материнской линии, а вот Сатана – и по отцу (Уастырджи), и по матери (Донбеттыр) произошла от союза Неба и Воды. Весьма интересно, что легенда о браке Матери-Земли и Неба-Отца, в которой первая предстает в образе прекрасной женщины, а второй – небесного жеребца, была известна осетинам-дигорцам [9, с. 51].

Подчеркивая замечательные особенности образа Урузмага, его рассудительность, выдержанность, находчивость в трудную минуту, В.И. Абаев проводит сюжетную параллель между приключениями Урузмага в пещере Кривого уаига [10, с. 32, 168–169; 11, с. 446]. На своеобразное «онартивание» у осетин знаменитого античного сюжета об одноглазом великане Полифеме писала и У. Далгат [12, с. 164]. На ареальные параллели напрашивается и известное во многих вариантах «Сказание о безымянном сыне Урузмага» [13, с. 54–65], в котором говорится о том, как Урузмаг нечаянно убил мальчика в подводном царстве Донбеттыров. Когда он вернулся домой и рассказал о происшедшем Сатане, она разрыдалась: оказывается, это был их сын, который родился во время отсутствия хозяина и которого она тайно отнесла на воспитание в свой родительский дом [13, с. 57–58]. Подобные сюжеты просматриваются во множестве мифов в различных культурах: убийство своего сына Рустамом в поэме Фирдоуси «Шахнаме», Ильей Муромцем – в русских былинах, Кухулином – в ирландских сагах, Гильдебрантом – в саге о Гильдебранте. При этом интересен не только факт убийства сына, но и матриархальный мотив происшедшего. Во всех приведенных случаях «сын не знал отца, а отец – сына, а это как раз и есть порядок вещей при матрилокальной семье» [3, с. 35].

Инцест. Известно, что у иранцев браки между близкими родственниками считались некогда самыми уважительными на том основании, что такие браки сохраняют чистоту известного рода [14, с. 200–201]. Эти браки возмущали греков, знавших их у персов [15, с. 45].

Супружество брата и сестры является распространенным мотивом в различных традициях. Известные легенды: Зевс – супруг своей сестры Геры, Кронос – супруг сестры Реи. Боги греческого пантеона Гефест и Афродита также были братом и сестрой [16]. О древнейших арийских истоках этого рудимента индоевропейского прошлого свидетельствует и следующая поразительная параллель. В ведической Индии первая (или одна из первых) человеческая чета Йим – Йима состояла из брата и сестры. В этот ряд, безусловно, вписывается и нартовский сюжет, рассказывающий о женитьбе Урузмага на своей сестре

Сатáне. «В мифах, где речь идет о первых божествах и человеческих парах, – писал В.И. Абаев, – другого выхода нет, как женить братьев на сестрах. И брак Урузмага и Сатáны надо, нам кажется, рассматривать в этом мифологическом, а не бытовом аспекте» [10, с. 163].

«Законное» присутствие имен Урузмага и Сатáны рядом с вышеприведенными парами подтверждается еще одной параллелью. В греческих мифах отец Зевса Кронос пожирал своих детей, Зевс уцелел лишь чудом. У Урузмага было шестнадцать сыновей, и все они пали от его руки. Семнадцатый же сын Урузмага погиб от его руки случайно [13, с. 57].

Сравнительные материалы свидетельствуют о том, что «сказание об Урузмаге и Сатáне – это сильно затемненный, обросший позднейшими наслоениями миф о первой человеческой или божественной паре. Их брак – древний мифологический образ, значение которого мы уже не можем полностью уяснить. И именно потому, что подобный кровосмесительный брак принадлежал целиком мифу и не имел никакой опоры в живом быту» [3, с. 25–26].

Сопоставительный анализ брачных союзов в различных мифах дает основание еще для одной параллели: инициативу к браку всегда проявляла женщина. Обратимся к примерам. В тех же греческих мифах рассказывается, как однажды проезжавший через Скифию Геракл прилег вздремнуть. Пока он спал, исчезли две его кобылы. Проснувшись, он замечает рядом с собой полуженщину-полузмею и спрашивает ее, не видела ли она где-нибудь его кобыл. «В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь» [7, I, 8]. Гераклу пришлось уступить.

Первый шаг к брачному союзу с Урузмагом делает его сестра Сатáна. Урузмаг сопротивляется, стыдясь людей, но уступает после комичного случая, на который подталкивает его Сатáна: он садится на осла задом наперед и три дня подряд проезжает мимо того места, где заседают нарты. В итоге Урузмаг женился на ней [17, с. 15–16]. Таким образом, влюбленная Сатáна добивается брака с Урузмагом (против его воли), точно так же, как в скифской легенде ехидна хитростью задерживает у себя Геракла. В данном случае действующие лица скифской легенды и нартовского сказания – прототипы.

Еще один сюжет «Нартиады» связан с красавицей Агундой, которая также обманом (украшив потолок своей комнаты полуночными звездами) удерживает Созырко в своей постели. Подобные истории обращают нас к обычаю древних ариев, которые сажали женщину, совершившую грех, в открытую повозку и возили по улицам на посмеяние мирян [18, с. 268].

Супружество Урузмага и Сатáны свидетельствует об отражении в нартовских сказаниях древнейшей эпохи группового брака. За бытовой сюжетикой скрывается старая мифологическая идея – древняя этногоническая и теогоническая легенда, которая возникла в условиях еще не изжитого матриархального мировоззрения [3, с. 26, 34].

В благосклонности Сатáны к брату В.Ф. Миллер видел следы возможного влияния «иранизма» в сказаниях осетин (т.е. европейских иранцев), поскольку допущение кровосмешения было на самом деле одной из особенностей азиатских иранцев. «Не находится ли в связи с этим иранским обычаем, – писал он, – как его последний отголосок в эпосе та черта, что уважаемый нарт Урузмаг женат на своей сестре Сатáне? Конечно, о таком обычае у иранцев-осетин теперь нет и в помине, и сам эпос указывает на его несоответствие общепринятым обычаям, но сообразуясь с пословицей: “Из песни слов не выкинешь”, сказители (кадагганджыта) продолжают тщательно повторять, что жена Урузмага приходилась ему сестрой» [19, с. 431].

В сказании об Урузмаге и Сатáне отразились некоторые древние фольклорные предания о первых людях-родоначальниках. Согласно предположению В.И. Абаева, Урузмаг и Сатáна – переведенные в бытовой план мифологические образы (первая божественная и человеческая пара) [20], что еще раз подчеркивает мысль о том, что цикл об Урузмаге восходит к начальной фазе формирования эпоса.

Андрогинность. В нартовском эпосе имеются персонажи с антропоморфным мужским и женским началом, что перекликается с мифами об андрогинности пра-людей в различ-

ных культурах. Одним из таких персонажей является старейшина нартов Урузмаг, что, несомненно, подчеркивает его жреческие функции в нартовском обществе. Как самый славный и самый мудрый старейшина в осетинских нартовских сказаниях, Урузмаг одновременно представлен и в женском облики.

Л.А. Ельницкий считал прародителя Урузмага паредромом богини плодородия, который принимает иногда амазонообразный облик [21, с. 230]. Наблюдения ученого подтверждаются примерами из нартовских сказаний осетин. Сюжет одного из сказаний описывает, как однажды в дом нартовского рода Бората Урузмаг явился в женском платье [22, с. 230–231]. Об этом же свидетельствует сказание, как однажды, поссорившись с Сатаной, Урузмаг покинул родной дом. Чтобы вернуть супруга, Сатана переделалась в мужскую одежду и, соблазнив Урузмага волшебными предметами, склонила мужа к тому, чтобы он исполнил для нее роль женщины [22, с. 134–161, 478]. В известном сказании «Бората и Ахсартаггата», когда после долгой вражды и пролитой крови дело дошло до примирения, стороны договорились связать себя родственными узами, поженив молодых людей из обоих родов. Причем Ахсартаггата согласилась, что невестка будет от них. «В урочный день, – повествует далее сказание, – когда наступило время свадьбы, Ахсартаггата сбрили бороду Урузмагу и выдали его Бората вместо девицы [23, с. 41]. В сказаниях Урузмаг часто перевоплощается в разных животных. При этом он обычно превращается почему-то в животное женского, а не мужского пола – не в осла, а в ослицу, не в кобеля, а в суку (ощетинилась и родила щенят), не в жеребенка, а в кобылицу («в табуне я ходил кобылой и жеребился три года. И из этого табуна вышли лучшие шавлоховской породы лошади»), а затем в собаку-дворняжку [13, с. 74–77; 22, с. 205, 206, 493]. О связи нарта Урузмага с культом плодородия свидетельствует и следующий пассаж из эпоса: Урузмаг оплодотворил скалу, и через 9 месяцев рождается ребенок [24, с. 157–160]. И еще один немаловажный фактор как следствие алагоджестанских этнокультурных связей до нашествия монголо-татар. Известны аланизмы в аварском языке [25; 26]. В аварских документах XVII в. имя Урузмаг встречается как женское [27, с. 131]. Прекрасная иллюстрация к сказанному выше – энарейство Урузмага [28, с. 96–104]. Из остальных нартов энарейству был подвержен нарт Сырдон. В одном сказании в невестины платья нарядился нарт Кайтар [22, с. 510].

Формирование образа женоподобных мужчин произошло в доскифское время. Антропологические изображения, сочетающиеся женские и мужские признаки, нередко встречаются на Кубанских пластинках. У иранцев Митра отождествлялся с образом Диониса. Энареев сопоставляли со скифским племенем аргипеев (аримфеев), в имени которых усматривали отражение имени богини Аргимпасы [5, с. 172].

Как и служители культа в древнеиранском мире, скифские энареи обычно были знатного происхождения, пользовались большой личной властью, являлись профессиональной жреческой кастой, корпорацией, связанной с культом богини Афродиты – Аргимпасы. Как правило, энареи вербовались из аристократических слоев, может быть, даже близких к царскому двору; искусство их переходило по наследству. О происхождении энареев Геродот писал: «Во время похода в Сирию, несколько оставшихся ограбили храм Небесной Афродиты в Аскалоне. Грабителей и всех их потомков богиня наказала “женским” недугом и даровала им искусство гадания». Гадали энареи обычно на лыковой мочале [7, IV, 67]. В важных случаях роль энареев выполняли номархи [29, с. 87].

Прототипом скифских энареев в осетинской духовной культуре можно считать осетинских *дзуары лэгтæ*, которые также пользовались большим авторитетом и почетом в обществе. В осетинском эпосе Урузмаг является тем самым героем, который своей андрогинностью напоминает скифских энареев, что, несомненно, является еще одной параллелью, связывающей скифов и осетин.

Двуполость богов можно наблюдать в различных культурах. Андрогинном являлся и библейский Адам, из ребра которого Бог создал Еву. Как одно существо иногда изображается и самая главная пара в индийском пантеоне Шива-Кали. Двуполоыми были и египетский бог Гор, скандинавские Локи и Один, иранский бог бесконечного времени Зурван, который родил бога Света Ормадза и бога Тьмы Ахримана и которого греки

называли Хроносом, и др. Американский фольклорист А. Краппе отмечает, что «андрогинность изначального человека являлась специфической чертой индоевропейской традиции» и что «миф о двуполом Адаме возник под влиянием этой традиции на семитскую мифологию, которые влияли друг на друга с древнейших времен» [30, с. 315]. Такие же традиции наблюдались в Иране, Индии и других азиатских странах. Некоторые религиозные праздники у греков сопровождалась так называемой «сменой одежд». Однако культура «переодевания» имела гораздо более глубокий смысл, нежели может показаться на первый взгляд. Историк религии М. Элиаде отмечает: «“Смена одежды” через религиозный опыт, предположительно реализующийся при исполнении ритуала, имела целью достижения некоего состояния андрогинности, возвращения к первоначальному человеческому состоянию, которое во всех традициях считалось совершенным. Человек, надевший женскую одежду, воплощал на какое-то время единство полов – состояние, которое облегчало ему определенное осмысление цельности Космоса. Он проникал, будучи андрогином, на некий уровень реальности, который оставался бы недоступным для него в условиях человеческой разобщенности полов» (цит. по: [30, с. 317]).

От убийства до почитания. В древних культурах высоко почитался царь-вождь, наделенный сакральными и сверхъестественными способностями. Одряхление и смерть царя-богочеловека воспринимались как реальная угроза жизнеспособности всего общества. Чтобы облегчить уход из жизни одряхлевшего вождя, вместо него избирали псевдоцаря, которого предавали смерти вместо настоящего. Точно так же поступали скифы – болезнь скифского царя влекла за собой смерть другого человека.

У тех же скифов счастливым считался тот, кто выпускал дух в сражении; постаревшего немощного сородича они обычно убивали, предварительно поиздевавшись над ним. В Греции, по свидетельствам Помпея Мела и Плиния, от стариков требовали покончить с собой, бросившись в море с высокой скалы. Иногда обреченного на смерть старца выводили за ворота и убивали или же спускали с моста. Отцеубийство совершалось у них по закону. Согласно хроникам, в Афинах некий скиф сбросил 60-летнего отца с моста, за что его обвинили в отцеубийстве. Он ответил, что сделал это по обычаю своего племени [31, с. 991]. Жестоким насмешкам подвергался тот, кто умирал от случайных болезней.

Действия родственных скифам массагетов были более жестокими и радикальными; они совершали ритуальное убийство стариков [7, I, 216]. Помимо массагетов этот обычай был известен и исседонам. Они золотили череп умершего старого родича и пользовались им как чашей для возлияний на больших празднествах. Чаши из черепов делали и европейские скифы, но только из черепов врагов.

Судя по осетинским сказаниям, нарты не ведали страха смерти. Все великие нарты погибали в молодости на поле брани. Иначе складывалась судьба нартов, достигших старческого возраста: их переставали уважать, презирали, старались от них избавиться. Такое отношение к старикам было и в аланском обществе [32, с. 163].

Классический пример отношения к старикам в нартовских сказаниях – судьба Урузмага. О том, как под старость Урузмаг стал обузой, посмешищем для нартов, как предпочитал смерть позорному состоянию, повествует множество сказаний [13, с. 80; 22, с. 398–417]. Имеются и варианты, повествующие об уходе его из жизни насильственным путем, о том, как посадили Старого Урузмага в плетеную корзину и скатили с обрыва, как пытались заманить его на ныхас и убить его там. Ритуальное убийство одряхлевшего старика сохранилось в адыгских нартовских сказаниях [33, с. 208; 34, с. 47].

Судя по эпическим сюжетам, со временем наблюдается постепенное смягчение обычая. Согласно одному из сказаний, на пиршестве у Алагата нарты решили покончить с Урузмагом. Во-первых, как старейшина рода он должен был возглавить стол, первым прикоснуться к пище и питью, это, согласно иммитативной магии, означает, что он первым покинет сей мир. Согласно другому варианту, нарты решили отравить его выпивкой. Однако в момент осуществления приговора в хадзар вторгается юный герой-мститель. В еще одном нартовском сказании из-за козней против Урузмага Батрадз расправляется с нартами. Аналогичные сюжеты имели место и в адыгском эпосе. После предсмертного

пира от неминуемой гибели нарта Узурмеса спасает Сосруко, который раскидал нартов, а Узурмеса выбросил из окна и отправил к Сатане [33, с. 28].

Подобные сюжеты в мифах имеют свое историческое обоснование. Убийство или устранение стариков происходило не из-за нелюбви или неуважения к родителю, старшему поколению. Исключалось, чтобы народ, так высоко почитавший своих предков, так варварски расправлялся с живыми старейшинами, не имея на то веских оснований. Такое жестокое отношение к ним объясняется следующим образом. Подобная практика была вызвана тяжелыми условиями кочевнического образа жизни, когда при непрерывных передвижениях и боевых столкновениях больные и немощные старики могли стать обузой, причиной поражения со всеми вытекающими негативными для общины последствиями, сыграть роковую роль в судьбе всего племени. Потому лишение немощных старцев жизни становилось объективной необходимостью

В аланское время, когда происходит процесс перехода к оседлости, обычай смягчается, стариков больше не убивают, но и до почитания старших дело еще не доходило. У ранних алан «считался счастливым тот, кто выпускал дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками как выроdkов и трусов» [32, с. 163].

Немощный старик все еще не пользовался у алан почтением, какие бы заслуги у него ни были перед обществом. «По давним традициям алан, – пишет Г. Рид, – не существует никаких упоминаний об их великом вожде с тех пор, как он более не мог командовать на поле боя, никаких посмертных речей – просто безмолвный уход в забвении» [35, с. 237]. Характерна в этом контексте судьба великого Гоара (Эохора) – военного вождя и предводителя части алан, обосновавшихся после распада гуннского племенного союза в районе г. Орлеана (V в.). Рид считает Гоара историческим прототипом легендарного героя, короля Артура. В действительности Гоар успешно управлял аланами в течение 44 лет. Будучи талантливым военным предводителем, он ни разу не терпел поражения в битвах. С течением времени, когда он состарился и силы его пошли на убыль, Гоара заставили отречься, заменили более молодым Сангибаном, и о нем практически забыли. Многие народы управлялись советами старейшин, а аланы презирали своих старших. «Здесь нет уважения к мудрым старцам, присущего кельтским и германским сказаниям!», – восклицает Рид. Когда Гоар скончался (450 г.), его похоронили как рядового алана [35, с. 237, 244].

Приведенное выше – свидетельство сильной приверженности аланов к старым обычаям, которые со скифских времен смягчились, но все еще сохраняли свой суровый характер.

Как уже отмечалось, по мере перехода от кочевничества к оседлому образу жизни явно наблюдается постепенное смягчение обычая. В сравнении со скифами, массагетами аланы стали более гуманными по отношению к старшему поколению. Далекие потомки скифов-алан осетины сформировались на Кавказе уже как оседлый народ, и в результате коренной перестройки образа жизни почтение и уважительное отношение к старшим стало для них одним из важнейших элементов их нравственного кодекса.

Тем не менее отголоски прежнего отношения к старшим пережиточно сохранялись в быту осетин еще в начале XX столетия [36, с. 15–16, 124].

Как явствуют из вышеизложенного:

- архаические пласты осетинских нартовских сказаний, истоки формирования образа знаменитого старейшины нартов Урузмага уводят к древнеиранским мифам и органически вписываются в сонм божеств, представленных в традициях и мифологии народов мира;
- акт супружества Урузмага с сестрой – это обросший позднейшими наслоениями миф о первой человеческой или божественной паре;
- будучи персонажем с мужским и женским началом, образ Урузмага перекликается с мифами об андрогинности пра-людей в различных культурах;
- высока значимость образа нарта Урузмага в мировой мифопоэтической культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджиев А.М.* Нартский прозаический фольклор кумыков и его место в кавказской нартиаде // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982. С. 118.

2. Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976. 235 с.
3. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвал, 1982. 105 с.
4. Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. 767 с.
5. Туаллагоев А.А. Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. Владикавказ, 2001. 314 с.
6. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 2001. 275 с.
7. Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972. 599 с.
8. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. 227 с.
9. Гардант М.К. Нравы и обычаи дигорцев // Науч. архив Сев.-Осет. ин-та гуманитарных и социальных исследований. Ф. 163 (фольклор). Оп. 1. Д. 3. П. 51.
10. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. 637 с.
11. Мифологический словарь. М., 1991. 735 с.
12. Далгат У. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана // Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.
13. Сказания о нартах. Цхинвал, 1981. 399 с.
14. Миллер В.Ф. Экскурс в область русского народного эпоса. М., 1892.
15. Рассел Джесси. Древнеиранская религия в античных источниках, М., 2012.
16. Абаев В.И. Нартский эпос // Изв. СОНИИ. 1945. Т. 10, вып. 1. С. 74.
17. Шанаев Дж. Осетинские народные сказания // Сборник сведений о кавказских горцев (ССКГ). Вып. V. Тифлис, 1871. Отд. II. С. 1–32.
18. Гуриев Т.А. Нартский эпос и проблема этногенеза осетин // Этногенез и этническая история осетин: материалы междунар. науч. конгресса. Владикавказ, 2013. С. 267–273.
19. Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1998. 518 с.
20. Абаев В.И. Нартский эпос // Изв. СОНИИ. 1945. Т. 10, вып. 1. С. 40.
21. Ельницкий Л.А. Некоторые проблемы истории скифской культуры // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 230.
22. Нарты кадджытж (Нартовские сказания): в 7 т. Т. 1. Владикавказ, 2003. 571 с. (На осет. яз.).
23. Памятники народного творчества осетин. Т. 2. Владикавказ, 1927. 168 с.
24. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957.
25. Микаилов К.Ш. Еще несколько дагестанских аланизмов // Этимология. 1972.
26. Микаилов К.Ш. Аланский вклад в аварскую антропонию // Материалы 5-й республ. науч. сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Владикавказ, 1977.
27. Айтберов Т. Имя Урузмаг в аварском документе XVII в. // Осетинская филология. Владикавказ, 1977. С. 3–8.
28. Чибиров Л.А. Скифские энареи и осетинские дзуары лагта // Вестн. Сев.-Осет. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 96–104.
29. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. 200 с.
30. Элиаде М. Азиатская алхимия. М.: Янус-К, 1998. 534 с.
31. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестн. древней истории. 1949. № 3. С. 185–295.
32. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.
33. Шортанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. 194 с.
34. Гутков А.М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик, 2009. 227 с.
35. Рид Г. Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. М., 2006. 355 с.
36. Каргиев Б.М. Обычаи осетин до революции. Владикавказ, 1928. (На осет. яз.) // Науч. архив СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.

Поступила в редакцию 25.04.2014 г.

Принята к печати 29.06.2015 г.